

А. А. Чекалова

О ДАТИРОВКЕ АКТОВ КАЛОПОДИЯ

Акты Калоподия неоднократно привлекали внимание исследователей. И это понятно. Документ интересен по языку, фразы его имеют определенный ритм¹. Вместе с тем он является прекрасной иллюстрацией к политической жизни империи. Акты представляют собой наглядный образчик того, какие отношения существовали между императором и подданными в ранней Византии вообще и как складывались эти отношения в первые годы правления Юстиниана. Существует немало переводов диалога, много занимались исследователи и толкованием его отдельных фраз. Значительное место в литературе занимает датировка этого памятника. Некоторые ученые (Э. Штейн, В. Шубарт, А. П. Дьяконов, З. В. Удальцова, Р. Браунинг) относят его к восстанию Ника². Другие авторы (П. Маас, Дж. Бури, Г. Братиану и в самое последнее время И. Ирмшер) не связывают акты с этим народным движением³.

Повод к сомнению в датировке заключен в самих источниках. Их всего два — Пасхальная хроника и Феофан. Ни тот ни другой непосредственно не связывают его с событиями восстания, диалог в них является искусственной вставкой, причем, как полагает П. Маас, вставкой, относящейся не к тому месту, которое указал ей Феофан⁴. Поскольку точка зрения исследователей, отрицающих связь актов Калоподия с восстанием Ника, базируется, в основном, на выводах Мааса, то на его аргументации мы кратко и остановимся.

По мнению П. Мааса, диалог не относится к восстанию Ника, так как Юстиниан в начале своего правления не притеснял прасинов. Но это не следует ни из одного источника. По нашему мнению, следует говорить о притеснении Юстинианом в начале его правления как венетов, так и прасинов. Еще во времена Юстиниана его племянник сам принимал участие в борьбе партий на стороне венетов⁵. Однако как только он стал соправителем стареющего императора, был издан указ, направленный против обеих партий⁶. В 529 г., когда в Антиохии произошел на ипподроме мятеж, Юстиниан вообще запретил проводить в этом городе игры⁷.

Других, более конкретных данных об отношении Юстиниана к партиям цирка в эти годы мы, к сожалению, не имеем. Акты Калоподия являются в данном случае единственным источником, и при датировке его необходимо исходить из того, что поведение Юстиниана в январе 532 г. не очень отличается от той политики, которую начал проводить этот император по отношению к партиям уже в качестве соправителя. Так, по мнению Л. Шассена, молчание венетов на протяжении большей части диалога означает, по существу, их согласие с прасинами⁸.

Второй аргумент П. Мааса касается Калоподия. Исследователь считает возможным отождествить его с препозитом 558/9 г. Калоподием, упоминающимся у Малалы и Феофана⁹. Но если Дж. Бури считал это вполне возможным¹⁰, сам Маас отмечает, что имя Калоподия не было редким¹¹. В качестве примера можно назвать евнуха Калоподия времен Анастасия I. Будучи экономом церкви св. Софии, он выкрал для императора акты Халкидонского собора¹². Более того, как вполне справедливо отметил Е. Штейн, ничто не мешало препозиту Калоподию 558/9 г. быть спафарием и кувикулярием в 532 г.¹³

Третье замечание П. Мааса — это выраженное в диалоге сомнение по поводу истинности веры императора. Здесь он ссылается на следующую фразу прасинов: «Если кто говорит, что не так верит деспот, анафема тому как Иуде»¹⁴. По мнению П. Мааса, в данном случае речь идет об аффартодокетизме, к которому Юстиниан перешел незадолго до своей смерти¹⁵.

Однако упрек в отношении веры императора столичное население (по преимуществу ортодоксальное) вполне могло бросить Юстиниану в январе 532 г., так как в начале 30-х годов император довольно активно искал примирения с монофиситами¹⁶.

Итак, ни один из аргументов П. Мааса, отрицающего связь диалога с восстанием Ника, не является убедительным. Ученые, принявшие его точку зрения, также не выдвинули каких-либо других доказательств. Исключением является специальная статья И. Ирмшера «Akta dia Kalopodion». Но и в ней автор по сути дела выдвинул лишь один новый аргумент. По мнению исследователя, диалог не мог иметь место накануне восстания Ника, поскольку, согласно этому источнику, партии голубых и зеленых находились во вражде друг с другом, тогда как во время восстания они единодушно выступали против императора и правительства¹⁷. Однако подобный подход к отношениям между цирковыми партиями VI в. нам кажется несколько модернизированным. Фракции не являлись организациями с четкой политической программой. Низы их были социально однородны, совместные действия цирковых партий были вполне обычным явлением для того времени. Не являлось исключением и их быстрое примирение. Так, в 501 г. партии, между которыми произошло столкновение на ипподроме, тут же примирились и, шутя, вышли вместе из театра¹⁸.

Таким образом, на наш взгляд, нет достаточных оснований не относить диалог к восстанию Ника, событию, с которым о нем упоминают источники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ P. Maas. Metrische Akklamationen der Byzantiner. — BZ, XXI, 1912, p. 28—51.

² E. Stein. Histoire du Bas — Empire, t. II. P. — Bruxelles — Amsterdam. 1959, p. 449—450; W. Schubart. Justinian und Theodora. München, 1943, S. 83; А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (ta mere) в V—VII вв. — ВС, 1945, стр. 209—110 и прим. 6; З. В. Удальцова. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532). — История Византии, т. I. М., 1967, стр. 287—288; R. Browning. Justinian and Theodora. L., 1971, p. 109.

³ P. Maas. Metrische..., p. 49—50; J. Bury. The History of the Later Roman Empire, v. II. N. Y., 1958, p. 40, n. 3; 71 f.; G. Bratianu. Empire et «democratie» à Byzance. — Bz, Bd. 37, 1937, p. 108, n. 4; I. Irmischer. Akta dia Kalopodion. — Orbis Mediaevalis. Weimar, 1971, p. 78—88.

⁴ P. Maas. Metrische..., p. 49.

⁵ A. A. Vasiliev. Justin the First. Cambridge, Mass., 1950, p. 117; E. Stein. Histoire..., p. 240 et n. 3.

⁶ Malalas, p. 422.

⁷ Ibid., p. 448—449. Запрет действовал несколько месяцев, так как под 531 г. у Малалы вновь появляются сведения об антиохийском ипподроме (E. Stein. Histoire..., p. 449, n. 3.).

⁸ L. Chassin. Belisaire, généralissime byzantin. P., 1957, p. 48.

⁹ Malalas, p. 490; Theoph. Chron., v. I, p. 233.

¹⁰ J. Bury. The History..., p. 72.

¹¹ P. Maas. Metrische..., p. 50.

¹² Theoph. Chron., p. 155. Р. Гийан называет еще одного Калоподия, препозита времен Феодосия II (R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, I. Amsterdam, 1969, p. 177, 178, 355).

¹³ E. Stein. Histoire..., p. 450, n. 1; cf.: R. Guillard. Recherches..., p. 179.

¹⁴ Theoph. Chron., p. 183.

¹⁵ P. Maas. Metrische..., p. 50.

¹⁶ Ю. Кулаковский. История Византии, т. 2. Киев, 1912, стр. 235 сл.; E. Stein. Histoire..., p. 379 s. Исследователи полагают, что прасины, сомневавшиеся в истинности веры императора, являлись монофиситами. В пользу их монофиситства обычно приводится следующее место из актов Калоподия: «Мандатор: «Я говорю вам, вы креститесь во единого». Прасины закричали: «Как приказал Antlas, я крещусь во единого». По мнению ряда исследователей, прасины поняли слова мандатора в монофиситском смысле (J. Bury. The History..., p. 73; S. Manojlovic. Le peuple du Constantinople. — Byz., XI, 1936, p. 646; А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции, стр. 210, прим. 1). Но, как показал Джери, слова eis hepa baptidzeste нельзя понимать ни в монофиситском, ни в православном смысле. По мнению автора, их можно отнести только к арианству (I. Jarry. Hérésies et factions à Constantinople du Ve au VIIe siècle. — Syria, 37, 1960, p. 356).

¹⁷ I. Irmischer. Akta dia Kalopodion, p. 83.

¹⁸ Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. III. Excerpta de insidiis. Berolini, 1905, p. 171. В остальных отношениях статья И. Ирмшера не является оригинальной и содержит ряд неточностей. К сожалению, автор не ознакомился полностью со всей литературой вопроса, ему осталась не известной и работа В. А. Шмидта (W. A. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854), где дан не только перевод на немецкий язык актов Калоподия (И. Ирмшер считает свой перевод первым), но и одно из лучших их толкований. От внимания исследователя ускользнула эволюция взглядов

на диалог Дж. Бури. Спорным представляется и религиозное понимание актов Калоподия И. Ирмшером, в частности его рассуждения по поводу упоминания в диалоге о манихеях (cf.: *J. Jarry. Hérésies et factions...*, p. 365 s. Дело в том, что в источниках слово «манихей» для Константинополя VI в. используется, прежде всего, как ругательство по отношению к монофиситам (Mansi, col. 1058, 1059, 1061, 1090; Theoph. Chron., p. 149—150, 154, 158, 161). В связи с этим возникает следующее предположение. Не являлась ли мать Анастасия I, которую Феодор-чтец и Феофан называют манихейкой, монофиситкой. Во всех остальных случаях у Феофана значение слов «манихей» и «монофисит» для Константинополя того времени совпадает. Между тем это наблюдение может объяснить причину религиозных пристрастий Анастасия, которому приходилось осуществлять свою монофиситскую политику в постоянной и упорной борьбе с населением Константинополя.